

Александр Макарьев

Похождения Склифосовского

«Автор»

2026

Макарьев А. Ю.

Похождения Склифосовского / А. Ю. Макарьев — «Автор»,
2026

Тбилиси, жаркое лето 1974 года. В старом башнеобразном здании на Авлабаре, где когда-то располагался больничный архив, организуется Специальное конструкторское бюро. Молодые энтузиасты, изобретатели и высоколобые ученые берутся за амбициозные проекты — от уникальных приборов для исследования морских волн и сейсмостанций до искусственного интеллекта. Но главный секрет этого места скрыт под столом в подсобке сторожа Серожа. Там обитает Склифосовский — циничный, эрудированный и наделенный суперспособностями мутант, случайный продукт заброшенных биологических экспериментов. Питаясь черновиками и научными фолиантами, он начинает незаметно направлять инженерную мысль, строить тонкие любовные интриги и проводить масштабный социальный эксперимент по созданию «идеального предприятия». «История старого здания» — первая книга ироничной и атмосферной серии «Похождения Склифосовского», сочетающей в себе незабываемый тбилисский юмор, дух советской эпохи.

© Макарьев А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Организация КБ (Конструкторское бюро)	6
Глава 2. Подбор кадров и Явление Склифасовского	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Макарьев

Похождения Склифосовского

Александр Макарьев

ПОХОЖДЕНИЯ СКЛИФОСОВСКОГО, ИЛИ АПОФЕОЗ АБСУРДА

Книга 1. История старого здания

Ироническая проза / Социальная фантастика

Макарьев А.

Похождения Склифосовского, или Апофеоз абсурда. Книга 1. История старого здания / Александр Макарьев. — 2026.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме или любыми средствами без предварительного письменного разрешения автора.

© Александр Макарьев, 2026

«...в этом храме науки и прогресса могла появиться жалкая черепаха, да ещё с искусственным интеллектом...»

— Из размышлений Склифосовского

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Организация КБ (Конструкторское бюро)
- Глава 2. Подбор кадров и Явление Склифосовского
- Глава 3. Рутина
- Глава 4. Искусственный Интеллект
- Глава 5. Испытания в Пицунде и Дела сердечные
- Глава 6. Проект идеального предприятия
- Глава 7. Катастрофа идеального предприятия

Глава 1. Организация КБ (Конструкторское бюро)

В начале июля 1974 года в Тбилиси установилась особенно жаркая погода. Все признаки указывали на то, что впереди грядут полтора месяца жестокой жары. Сотрудники Института систем управления (ИСУ) Академии наук Грузии подумывали, как бы перевезти свои семьи на дачу в Коджори или в Манглиси, а на август уже планировали отпуска на Черноморское побережье.

Главный инженер означенного уважаемого учреждения Рамаз Михайлович Саканделидзе, представительный плотный брюнет сорока лет, сидел в своём рабочем кабинете перед включённым на полную мощность кондиционером. Он, как обычно, зарывшись в куче бумаг, проверял графики работ по договорам, вызывал заведующих отделами и уточнял какие-то детали, звонил главному бухгалтеру и сверялся с бухгалтерской отчётностью, проверял работу конструкторов и вникал ещё в тысячу разных мелочей.

Зазвонил телефон прямой связи, секретарша попросила зайти к директору. Решив не откладывать встречу на потом, Рамаз Михайлович нехотя отложил в сторону бумаги, поднялся из-за стола и направился на третий этаж в приёмную директора. Секретарша сразу указала на дверь в директорский кабинет, где Рамаз Михайлович застал немного озадаченного директора института профессора Арчила Элиашвили — высокого красавца, шестидесятипятилетнего вальяжного учёного в щегольском сером костюме, при галстуке. Несколько лет назад профессор Элиашвили увидел в Рамазе Михайловиче, который был в то время рядовым сотрудником, человека, на которого можно сбросить всю рутинную директорскую работу, сделал его главным инженером, а сам оставил себе преподавательскую деятельность и контакты с вышестоящими организациями.

— «Привет, Рамаз, звонили из президиума Академии наук, вызывают нас двоих завтра к президенту к 11 часам. Как думаешь, что там может быть для нас хорошего?» — «Точно не знаю, давай встретимся на Земеле в 10:45». — «Ладно, посмотрим, до завтра».

На следующий день оба были в назначенное время на ступенях шикарного здания со шпилем и колоннами, образцом сталинской архитектуры, что на проспекте Руставели, в котором располагался президиум Академии наук. В приёмной долго ждать не пришлось: принял их президент, академик Евгений Харадзе. Он приветливо поздоровался и показал письмо из Академии наук СССР, где говорилось об организации в Грузии Специального конструкторского бюро научного приборостроения (СКБ НП) для обеспечения научных учреждений уникальными научными приборами.

— «Это дело мы решили поручить уважаемому Рамазу Михайловичу. Я вас поздравляю с назначением на должность директора. Надеюсь, уважаемый Арчил возражать не станет и окажет необходимую поддержку, — ласково обратился академик к Арчилу Элиашвили, — и не забудь передать привет супруге. Ну, вот и всё, завтра жду вашего согласия и желаю успехов».

Всё было сделано красиво и тактично, как и всё, что делал академик Харадзе. На следующий день всё закрутилось и понеслось. В разные организации полетели десятки бумаг, которые должен был сочинять Рамаз Михайлович. Пока он сидел на своём старом рабочем месте в ИСУ, однако, для оперативности ему выделили также стол и в президиуме АН. Но когда Рамаз Михайлович увидел, какое количество бумаг необходимо относить по разным организациям, он понял, что один он с этим точно не справится.

И вот, в конце рабочего дня, Рамаз Михайлович сидел и печально смотрел на очередную пачку подготовленных неотложных бумаг, как вдруг, в его кабинет зашёл конструктор Эдик Ситников.

— «Привет, Рамаз Михайлович, ты что такой мрачный?»

— «Да вот видишь, сколько писем. Не знаешь, кого можно взять мне в помощь?»

— «Я бы сам тебе с удовольствием помог, да мне сейчас необходимо работу завершить. Хотя, вот что, к нашему сотруднику пришёл его институтский товарищ, молодой парень, после армии, зовут Георгий Гварамия или Гоги. Хочешь, поговори с ним, я к тебе его пришлю. Может быть, подойдёт».

— «Хорошо, попроси его подняться ко мне, только сейчас, а то мне нужно скоро убежать».

Говорят — на ловца и зверь бежит, и это точно. Долго уговаривать не пришлось — Гоги согласился немедленно уйти со своей работы и заняться вместе с Рамазом Михайловичем организационными делами. Гоги ничего особенно не потерял, тем более, что предыдущая работа была для него скучновата. Он с самого детства обожал копаться в сложных механизмах, постоянно разбирал и собирал часы своих друзей, и в любое свободное время его можно было увидеть с увеличительным стеклом в глазу и набором часовых отвёрток, когда он колдовал над часовыми механизмами, стараясь довести их ход до совершенства.

Итак, на следующий день Гоги с пачкой деловых бумаг уже гордо шагал по различным учреждениям. Для начала необходимо было временно подобрать какое-нибудь подходящее помещение. С этой проблемой он явился в городской совет, который был в самом центре города, на центральной площади Ленина и являл собой центр архитектурной композиции.

Зайдя в здание, Гоги спросил у охранника, к кому ему нужно обратиться, и, получив ответ, направился на второй этаж в приёмную одного из заместителей председателя. Посмотрев на табличку с фамилией, он очень удивился, увидев там свою собственную фамилию — Гварамия.

В приёмной красавица секретарша с брильянтами в ушах и на пальцах взяла у него письмо, записала его имя, фамилию и отчество и указала на стул. Примерно через час, когда подошла его очередь, секретарша повернулась в сторону Гоги и, сверкнув брильянтами, строго произнесла: «Пройдите, Георгий Георгиевич».

Гоги осторожно открыл дверь и зашёл в большой кабинет. Далеко впереди себя увидел стол, за ним сидел небольшого роста чиновник, уткнувшийся в какую-то бумагу. Гоги нерешительно замер около стола. Вдруг чиновник вскочил, широко расставил руки и с криком

— «А-аа, Георгий Гео-о-оргиевич» — бросился к Гоги, как будто он всю жизнь ждал этой встречи.

Гоги слегка опешил от такого начала, а чиновник придвинул стул и сказал:

— «Давай садись, рассказывай, кто ты, откуда ты, чей ты сын, зачем пришёл, что хочешь».

Оказалось, чиновник был его дальний родственник, которого он до этого никогда в глаза не видел.

— «Так, и что же ты здесь хочешь?»

— «Дом хочу, здание хочу», — сказал Гоги.

— «Вах, зачем тебе это? — удивился чиновник. — Ты думаешь, горсовет тебе его даст?»

— «Хотим всех изобретателей в Тбилиси собрать в одном месте и переворот в науке устроить».

— «Вах, молодец. Большое дело делаете. Буду тебе помогать. Есть у меня на примете один старый дом, правда, место не очень хорошее, но, пойдя, посмотри, быть может, подойдёт. Приходи завтра, получишь адрес».

Следующим утром Гоги вместе с Рамазом Михайловичем заехали в горсовет, взяли у секретарши конверт с адресом и отправились смотреть здание. По дороге вскрыли конверт, на листе было написано: «Телавская — 8».

Рамаз Михайлович озадаченно почесал затылок: «Интересно. Гоги, ты знаешь, где это может быть?» — «Точно не знаю, но думаю, где-то на Авлабаре». — «На Авлабаре? Тогда придётся взять такси, а то мы до вечера не найдём».

Придётся пояснить читателю, что такое Авлабар. — «Что Тифлис без Авлабара?!» — так поётся в классической пьесе «Ханума»: «Над рекой стоит гора, под горой течет Кура. За Курой шумит базар, за базаром — Авлабар. Бесконечный и беспечный, Шумный вечно».

Быстро поймали такси, показали таксисту адрес. — «Знаешь, где это?» — «Э, как не знаю, конечно, знаю, сам там живу. Это за Арамянцем. А что там хотите?» — «Как что. Дом хотим посмотреть». — «Ну и что, посмотреть, а дальше что?» — «Ничего, работать там будем».

На этом таксист удовлетворил своё любопытство и поехал через базар, а дальше наверх, наверх, мимо маленьких, обшарпанных домиков, за больницу Арамянца.

— «Всё, приехали. Вот он».

Таксист взял рубль, развернулся и укатил, оставив их около отдельно стоящего четырёх-этажного дома. Вокруг роились одноэтажные старые домики, так что этот дом смотрелся среди них чужеродным и несколько странным, скорее напоминал башню. Перед единственным входом была небольшая площадка для транспорта, стёкла в окнах были целы, фасад когда-то был покрашен в серый цвет, а так, ничем не примечательное строение.

Как только Рамаз Михайлович и Гоги подошли к входу, открылась дверь, и на пороге появился заспанный, очень маленький человек, в грязной, засаленной рабочей одежде, по виду лет сорока с беззубым ртом.

Рамаз Михайлович строго посмотрел на него и спросил: «Ты кто такой, что здесь делаешь?»

— «Я Серож, здесь работаю, зарплату не получаю. Я здесь сторож, сантехник, электрик и директор, иногда на трубе играю. Других никого нет. Я один».

— «Давай, Серож, покажи нам своё хозяйство, если нам понравится, будем тебе зарплату платить». — «О, это хорошо, а то жена каждый день ругает, говорит, где ты ходишь целый день, денег не приносишь. Скоро все деньги кончатся, побираться придётся. Проходите, всё покажу».

Серож оказался очень словоохотливым и улыбчивым человеком. Пока ходили и осматривали все помещения, Серож шёл впереди, открывал двери и непрерывно рассказывал. Оказалось, что это здание некогда принадлежало больнице Арамянца, хотя находилось оно вне территории больницы. В первое время там помещалась больничная библиотека, основу которой составляла библиотека Закавказского филиала Российского географического общества, которую во время Первой мировой войны удалось вывезти из Батуми. Затем здание стало использоваться как больничный архив. Там хранились дела со дня основания больницы, то есть около ста лет.

Серож открыл дверь и пропустил своих гостей на балкон. Прямо под балконом они увидели небольшой двор с одноэтажным корпусом больничной научной лаборатории, где испытывали новые фармакологические препараты на различных животных, например мышах, крысах и собаках. На дворе лаборатории, в тени забора дремали несколько тощих собак, а вдоль стены здания с деловым видом изредка сновали упитанные серые крысы. Из лаборатории часто доносились странные звуки, издаваемые бедными подопытными животными.

С некоторых пор в архиве стали происходить странные вещи. Во-первых, начали регулярно пропадать документы, во-вторых, запил заведующий архивом, бывший хирург, которого выгнали из хирургии из-за профнепригодности, и если кому-нибудь из руководства больницы требовался какой-то документ, то приходилось идти к Авлабарскому базару и вытаскивать со скандалом из хинкальной изрядно пьяного заведующего, в-третьих, стала протекать крыша, и намокли книги и документы, которые хранились на верхнем этаже, и никто их сушить не собирался. Остальные дела валялись кучами на полу в разных комнатах, и что где находится, кроме заведующего никто не знал.

Затем умер заведующий архивом. В конце концов, дирекции больницы это надоело, они перенесли свежие документы поближе к административному корпусу, а здание это списали за

ненадобностью с баланса и уволили сторожа. Так Серож остался без зарплаты. Но он, по-прежнему, каждый день к восьми утра являлся в это здание, где в подвале у него была оборудована подсобка, а на стене висела его любимая труба, и находился там весь день, до позднего вечера.

Он постоянно возился со своей трубой, то разбирал её на части, то полировал корпус до зеркального блеска, то притирал клапана и подвижные элементы, добиваясь только ему ведомого совершенства. И затем извлекал тихие звуки, больше похожие на человеческие голоса. Это было его священнодействие. Старый инструмент — труба, которую он бережно хранил, словно сокровище, находила в его руках новую жизнь. Он не был музыкантом в привычном понимании этого слова; скорее, он был хранителем звуков, которые могли рассказать истории, о которых знал только он.

Начиная с весны, каждый вечер, когда тишина окутывала Авлабар, он поднимался на плоскую крышу башнеобразного здания и начинал играть. Играл он не долго, и, как бы, не доигрывал. Мелодии, проникающие в сердца соседей, словно легкий ветерок, уносили с собой заботы и тревоги. Никто не знал, откуда берутся эти звуки, но все их ждали, как ждут вечернего звона.

За неимением ничего другого, и к великому удовольствию Серожа, Рамаз Михайлович решил остановиться на этом здании, пока не будет чего-то более подходящего. Через несколько дней пришла бригада строителей-ремонтников, за неделю починили крышу, побелили стены, заменили батареи, вставили лампочки, пустили воду и повесили табличку с названием предприятия.

В августе отдел кадров уже набирал сотрудников, сначала административных и технических работников, затем и специалистов. Создали пять отделов. Руководители отделов и лабораторий пошли по различным научным учреждениям, с целью выявить их потребности в специальных приборах и оборудовании, необходимых для их исследований. Таким образом, был сформирован первый пакет перспективных работ, который и был представлен на утверждение технического совета. Приборы эти относились к самым разным областям науки: астрофизики, биологии, вычислительной техники, фармакологии, хроматографии, исследованиям моря и другим. По этой причине, и специалисты, разрабатывающие такую технику, и производственники должны были быть суперуниверсальными. Итак, портфель заказов утверждён, определены сметы, подписаны договоры. Дело за привлечением людей, которые в состоянии справиться с работами. Руководителем отдела точной механики и оптики назначили Эдика Ситникова.

Глава 2. Подбор кадров и Явление Склифасовского

В Тбилиси существовала неформальная общественная организация конструкторов. Одним из основателей её был как раз Эдик Ситников. Каждую неделю, по четвергам после работы, конструктора из разных предприятий города собирались в пивной на Вельяминовской, пили пиво и обменивались новостями. Этот был святой день, которому не могли помешать ни погода, ни какие-либо обстоятельства. Эти встречи они называли «Бюро», по аналогии с «Политбюро СССР». Вступить в это «Бюро» было проще простого. Достаточно, чтобы тебя привёл любой из членов «Бюро», и внёс вступительный взнос 10 рублей. Эти деньги тут же пропивались за здоровье вновь вступившего. Членами этого «Бюро» были как молодые специалисты, так и авторитетные главные конструктора. Здесь можно было получить лучшую информацию о любом специалисте-конструкторе в городе. Также, если требовался какой-нибудь специалист, то достаточно одного дня, чтобы информация об этом распространилась по всем предприятиям. Это был такой неформальный виртуальный банк данных, который действовал безотказно.

Туда Эдик Ситников и отправился с новостями об организации нового конструкторского бюро, и с предложением изобретателям-энтузиастам принять участие в новом деле. За это дело в тот вечер было выпито немало пива, и на следующей неделе стали появляться первые изобретатели.

Первым появился конструктор средних лет, которого звали Коля Ароян. Он принёс с собой огромную сумку, содержимое которой вывалил на стол перед Эдиком Ситниковым. Это были регалии, свидетельствующие о его многочисленных успехах на стезе изобретательства, а именно около ста свидетельств об авторских изобретениях во многих областях жизни, различные журналы, газетные статьи, где описывались его работы, диплом кандидата технических наук, готовую докторскую диссертацию по теоретической оптике и, наконец, две принятые Госкомитетом по делам изобретений к рассмотрению заявки на открытие. Кроме того, он сообщил, что разгадал значение неизвестных древнеармянских знаков из хранилища Матенадарана, и что он пишет музыку, дирижирует симфоническим оркестром и пишет картины, в основном портреты, а также является экстрасенсом.

Некоторое время поражённый Эдик молча смотрел на всё это богатство, затем почесал затылок и изрёк: — «Слушай, Николай, ты принёс сюда регалий на сорок научных организаций, а может быть, и больше. Мне разбираться с этим нужно будет месяца два, а может, три. Направлю-ка я тебя прямо к директору. Он умнее. Пусть смотрит и решает». Эдик помог Николаю собрать все его бумаги обратно в сумку, договорился с директором о времени приёма и благополучно выпроводил посетителя вон.

Директор сидел пока ещё в своём старом кабинете в институте систем управления. Николаю пришлось ехать туда, в другой конец города. У директора голова была занята финансовым обеспечением новой организации, и он уже пожалел о том, что согласился заняться кадровыми вопросами. В это время в дверь осторожно постучался Николай. Рамаз Михайлович с опаской посмотрел на входящего Николая и предложил тому сесть за приставной стол. Николай вывалил на стол полную сумку своих бумаг, стал объяснять последовательно, чем он занимался в этой жизни. Увидев эту кучу бумаг, директор попросил начать с того, чтобы Николай объяснил суть его открытий.

Николай заявил, что он отрицает явление дифракции в космосе, так как, по его мнению, дифракция обусловлена слоистой структурой распределения химических элементов с разными физическими свойствами на поверхности твёрдых тел, а учитывая то, что в космосе нет доста-

точной концентрации веществ, то и дифракции быть не должно. Директор посмотрел на пока ещё не тронутую кучу бумаг и загрустил. Он спросил Николая, может ли тот оставить всё это у него в кабинете до утра, с тем, чтобы он мог спокойно всё внимательно прочитать. Николай согласился, а когда на следующее утро он пришёл за ответом, директора в кабинете не оказалось, а секретарша передала сумку и письмо, где было написано, что дирекция СКБ НП благодарит его за обращение, желает ему всяческих успехов, но в услугах его пока не нуждается. Эдику Ситникову Рамаз Михайлович позвонил и в едкой форме запретил сбрасывать на него кадровые вопросы.

Следующим явился к Эдику изобретатель по фамилии Рабинович. Он пришёл вообще без бумаг. На вопрос, какое у него образование, он сказал, что вообще-то никакого.

Тогда Эдик спросил: «А чем же вы занимались»? На это он кратко ответил: — «Всем». Тогда Эдик осторожно спросил: «А нельзя ли немного поконкретнее, уточнить, так сказать, детали и ключевые моменты».

— «Как нельзя, конечно, можно. Пойдите в любой магазин и спросите, кто такой Рабинович. Они вам скажут, что он изобрёл пулю, снегоход, паровой утюг, кондиционер, и ещё это, это, и ещё то. А за это он не получил ни фига. Поэтому я к вам и пришёл, чтобы я для вас изобретал, а вы мне платили деньги. И всё по чесноку, как говорят в Одессе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.